

Про Толстого можно сказать: его любить мать-сыра-земля. Любить и щедро надѣлила любовной влажностью своею, питательной, плодоносной, животворящей.

Глубоко-глубоко вросъ этотъ огромный геній корнями своими въ родимую почву, въ самое сердце земли. Онъ весь почвенный, землистый, смолистый, душистый, корневой, красочный, зеленый и развѣсистый. Влажный черноземъ на ласково-пригрѣвающемъ солнышкѣ, въ вышинѣ лазурныя дали, въ глубинѣ въ пахучей, божьей землѣ божьи сѣмена для божьихъ же человѣковъ. „Оріонъ, Спиріусъ надъ засѣкой, пухлый, беззвучный снѣгъ, добрая лошадь и добрый воздухъ, и добрый Миша (кучерь), и добрый Богъ“. (Я. П. изъ письма къ С. А. Толстой).

И вотъ приникъ этотъ большущій человѣкъ со своимъ громаднымъ, къ добру изумительно чуткимъ сердцемъ къ огромному же сердцу земли, учуялъ—какъ бьется оно, это сердце необъятной жизни, отобразилъ біеніе его въ роскошныхъ узорахъ своей творческой жизни. Рассказывая о жизни, показалъ ея пеструю радугу, потоками изливая свѣтъ и тепло на наше милое, наше скорбное земное. Жизнь и смерть, долгъ и страсть, любовь и бракъ, мысль и искусство, родину и царя, народъ, религію и Бога,—все это онъ, Толстой, переживая, оживилъ, освѣщая, освятилъ, все принялъ, почувствовалъ со всей силой, раскрывая зло, добра не утаилъ, все взял и, всему покоряясь, покорилъ, умиляясь, умилилъ... Но онъ же Толстой на все и посягнулъ, все и утвердилъ — все и уничтожить захотѣлъ. Чуднымъ даромъ своимъ заморозилъ насъ, преобразивъ все красивой, глубокой думой о жизни, полной любви и правды, прощенія и примиренія, да самъ же и отвернулся отъ всего, возжаждавъ внѣмірнаго чуда. Гдѣ-то страшнымъ глоткомъ глотнувъ мертвой воды, ощутилъ дуновеніе смерти, страстно захотѣлъ уйти отъ жизни, оставилъ ее такую, какъ она есть,—и пошелъ искать иную жизнь, уничтожающую прежнюю, ту, которой прежде жилъ, которую опозитизировалъ, пошелъ искать иную жизнь, непохожую на прежнюю, какъ смерть не похожа на жизнь. И еще не видя этой иной жизни, иной правды, со страшной напряженностью отчаянныхъ усилій—сталъ вымогать, вызволять ее невѣдомую, какъ чудо, самовластно посягая на него, даже не снисходя до сознательной вѣры въ чудесное. Въ искусствѣ мучительныхъ, страшныхъ усилій, переходящихъ въ насиліе надъ природой, исто-